

Время Елизаветы Петровны (1741-1761)

Общая оценка эпохи.

Приступая к изучению весьма любопытного времени Елизаветы Петровны, мы прежде всего наведем небольшую историческую справку. Значение времени Елизаветы оценивалось и до сих пор оценивается различно. Елизавета пользовалась большой популярностью; но были люди, и весьма умные люди, современники Елизаветы, которые с осуждением вспоминали ее время и ее порядки. Таковы, например, Екатерина II и Н. И. Панин; и вообще, если взять в руки старые мемуары, касающиеся этой эпохи, то найдешь в них почти всегда некоторую насмешку по отношению ко времени Елизаветы. К деятельности ее относились с улыбкой. И такой взгляд на эпоху Елизаветы был в большой моде; в этом отношении задавала тон сама Екатерина II, к которой вскоре после смерти Елизаветы перешла власть, а просвещенной императрице вторили и другие. Так, Н. И. Панин про царствование Елизаветы писал: «Сей эпох заслуживает особое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах». Панин, очевидно, плохо помнил то, что было до Елизаветы, потому что его характеристика может относиться и к эпохе временщиков, «припадочных людей» 1725-1741 гг. Если захотим верить Панину, то мы должны отозваться о времени Елизаветы как о времени темном и одинаковом с предыдущими временами. Точка зрения Панина перешла и в нашу историческую литературу. В труде С. В. Ешевского («Очерк царствования Елизаветы Петровны») находим, например, такие слова: «С тех пор (с Петра Великого) до самой Екатерины Великой русская история сводится к истории частных лиц, отважных или хитрых временщиков, и истории борьбы известных партий, придворных интриг и трагических катастроф» (Соч., II, 366). Эта оценка (несправедливая вообще) за царствованием Елизаветы не признает никакого исторического значения. По мнению Ешевского, время Елизаветы такое же время непонимания задач России и реформы Петра, как и эпоха временщиков и немецкого режима. «Смысл реформы начинает снова открываться только при Екатерине II», – говорит он (Соч., II, 373). Так дело обстояло до С. М. Соловьева. Соловьев был отлично обставлен документами и хорошо ознакомился с делами архивов елизаветинского времени. Изученный им громадный материал совместно с Полным собранием законов привел его к иному убеждению. Соловьев, если искать точного слова, «полюбил» эту эпоху и писал о ней с сочувствием. Он твердо помнил, что русское общество почитало Елизавету, что она была очень популярной государыней. Главной заслугой Елизаветы считал он свержение немецкого режима, систематическое покровительство всему национальному и гуманность: при таком направлении правительства Елизаветы много полезных частных дел вошло в русскую жизнь, успокоило ее и позволило разобраться в делах; национальные «правила и привычки» воспитали при Елизавете целый ряд новых деятелей, составивших славу Екатерины II. Время Елизаветы подготовило многое для блестящей деятельности Екатерины и внутри, и вне России. Таким образом, историческое значение времени Елизаветы определяется, по мнению Соловьева, его подготовительной ролью по отношению к следующей эпохе, а историческая заслуга Елизаветы состоит в национальности ее направления («Ист. Росс.», XXIV).

Нет никакого сомнения в том, что последняя точка зрения более справедлива, чем враждебные Елизавете взгляды. Возвращение Елизаветы к национальной политике и внутри, и вне России в связи с мягкостью приемов ее правительства сделало ее очень популярной государыней в глазах современников и дало ее

царствованию иной исторический смысл в сравнении с темным временем предшествовавших правлений. Мирные наклонности правительства во внешней политике, гуманное направление во внутренней – симпатичными чертами обрисовали царствование Елизаветы и повлияли на нравы русского общества, подготовив его к деятельности екатерининского времени.

Благоговевая пред памятью Петра Великого и спеша вернуть Россию к его порядкам, Елизавета тем самым готовила почву для лучшего понимания и продолжения преобразовательной деятельности Петра и действительно являлась предшественницей Екатерины II. Но, признавая такое историческое значение за временем Елизаветы, мы, однако, не должны преувеличивать его. Мы увидим, что при Елизавете, как и раньше, много значили «припадочные люди», т. е. фавориты: делами управляла «сила персон», к порядкам Петра Великого вернулись далеко не вполне; в управлении государством не было определенной программы, а программа Петра Великого не всегда соблюдалась и не развивалась. Идеи Елизаветы (национальные и гуманные) вообще выше ее деятельности (несистематической и малосодержательной), и историческое значение времени Елизаветы основывается именно на этих идеях. Причины всех особенностей правления Елизаветы заключались, во-первых, в той обстановке, какую Елизавета получила от своих предшественников, вступая на престол (эту обстановку мы уже знаем), а во-вторых, в свойствах самой Елизаветы и ее соратников. Ознакомимся с главными деятелями времени Елизаветы.

Деятели времени Елизаветы.

Что касается до самой императрицы, то ее судьба и личность нам уже насколько известны. На престол вступила она 32-летней женщиной после нескольких лет тяжелой жизни. Характер ее сформировался окончательно, вкусы и взгляды определились. По своему образованию и характеру Елизавета не могла стать во главе государства активным его правителем. Неподготовленность к делам заставляла ее управлять с помощью доверенных лиц. Современники иногда обвиняли Елизавету в чудовищной лени и беспечности в самых серьезных делах. Позднейшие исследователи не всегда верят этому обвинению: медленность, с которой императрица осуществляла свои решения, они объясняют не беспечностью и ленью, а той осторожностью и сдержанностью, с какой Елизавета отыскивала наилучший исход при разноречивых советах и всевозможных влияниях; когда же ее решение созревало, императрица не ленилась его осуществить и тотчас же скрепляла бумагу неизменной подписью – «Елисавет». Во всяком случае в государственных делах императрица, давая общий тон правительству, не вмешивалась деятельно в частности управления и предоставляла их своим сотрудникам. В частном быту Елизавета была чисто русским человеком, любила повеселиться, хорошо покушать и распустила придворных настолько, что хроника ее дворца была не беднее анекдотами, интригами и сплетнями, чем предыдущее время, несмотря на большую крутость Елизаветы, способной сильно вспыхнуть и строго взыскать.

Вполне понятно, что ближайшими сотрудниками Елизаветы и главными государственными деятелями стали в большинстве случаев те люди, которые окружали Елизавету до вступления на престол и в трудное для нее время, при Анне, служили ей верную службу. Нужно, впрочем, отдать справедливость Елизавете в том, что, устраняя немцев, она не гнала тех русских, которые играли видную роль при немецком господстве. Так, рядом со старыми слугами Елизаветы – Разумовскими, Воронцовыми, Шуваловыми – стали удел и люди старого правительства – Бестужев-Рюмин, Черкасский и Трубецкой. В рядах дипломатов

даже остались немцы: Кейзерлинг – посланник в Вене и Варшаве, Корф – в Копенгагене, Гросс – в Гааге.

Изю всех деятелей самым близким к императрице был Алексей Григорьевич Разумовский, о котором предание говорит, что он был негласно обвенчан с Елизаветой. Бедный малороссийский казачонок, он пас деревенское стадо и имел прекрасный голос. Благодаря последнему обстоятельству он попал в придворные певчие и был взят ко дворцу цесаревны Елизаветы. Привязанность Елизаветы к Разумовскому была очень крепка: она продолжалась до ее смерти, и Разумовский неизменно оставался одним из самых влиятельных людей в России. Он стал кавалером всех русских орденов и генерал-фельдмаршалом и был возведен в графы Римской империи. Он был очень властен, даже жил во дворце, но, отличаясь честным, благодушным и ленивым характером, мало влиял на государственное управление, постоянно уклоняясь от правительственных дел, делал много добра в Малороссии и России и по своим вкусам и привычкам оставался больше простым малороссом, чем русским вельможей. В истории русского двора он – замечательная личность, в истории государства – вовсе незаметный деятель.

Высокое положение Алексея Разумовского подняло и его брата Кирилла: 15-ти лет от роду, в 1743 г., Кирилл был «инкогнито» отправлен за границу учиться под присмотром адъютанта Академии наук Г. Н. Теплова и получил там чисто аристократическое воспитание; 16-ти лет он был уже графом Римской империи, 18-ти – президентом Академии наук, 22-х – генерал-фельдмаршалом и гетманом Малороссии. Для него в 1750 г. и было восстановлено гетманство, не существовавшее с 1734 г. Характером этот баловень счастья пошел в старшего брата, и если более брата замечен был в государственной деятельности, то благодаря лишь своему образованию. Он был человеком честным и порядочным, но пассивным и, занимая высокие должности, к влиянию не стремился.

Гораздо более Разумовского влиял надела Петр Иванович Шувалов, сперва камер-юнкер Елизаветы, затем сенатор, конференц-министр, генерал-фельдцейхмейстер (т. е. начальник артиллерии) и управитель многих иных ведомств. Занимая массу должностей, П. Шувалов был в то же время крупным промышленником и откупщиком. И в сфере управления, и в хозяйственных делах он проявил большие способности и в то же время сильное стремление к наживе и крайнее честолюбие. Властолюбивый интриган и нечестный стяжатель затмевали в нем государственного деятеля. Своим государственным влиянием он пользовался для личных целей. Он выхлопотал себе вредную для русской промышленности монополию на рыбный промысел в Белом и Каспийском морях; захватил на откуп Гороблагодатские железные заводы и массу иных откупных статей; являясь крупнейшим промышленником и торговцем в государстве, добился важной отмены внутренних таможенных пошлин для личных выгод. При дворе он крепко держался благодаря влиянию жены (Мавры Егоровны, рожд. Шепелевой, ближайшей фрейлины Елизаветы), а отчасти и по собственному уму и ловкости. Лицемерный и умевший примениться ко всяким обстоятельствам, он являлся страшным для всех человеком и по своему влиянию, и по своей мстительности. Один только Алексей Разумовский, говорят, безбоязненно и безнаказанно бивал его иногда батожем под веселую руку на охоте. Вообще П. И. Шувалов был человек без принципов, без морали и представлял собой темное лицо царствования Елизаветы. Он был настолько ненавидим народом, что петербургская толпа на его похоронах не удержалась от враждебной демонстрации.

Совершенную противоположность ему представлял Ив. Ив. Шувалов, заметная личность в истории русской образованности. Его всегда видели с книгой в руках, он учился для знаний, потому что любил их; наука выработала в нем определенное нравственное мировоззрение и сделала одним из первых пионеров просвещения в

России. Он поддерживал русскую науку, как мог (вспомним его переписку с Ломоносовым), основал первый в России Московский университет и при нем две гимназии. Будучи камергером и большим любимцем Елизаветы, И. И. Шувалов не стремился, однако, к государственной и политической деятельности и оставался меценатом и куратором Московского университета; на нем не лежит ни одного пятна – напротив, это была личность замечательно привлекательная, представитель гуманности и образованности, лучший продукт петровских культурных преобразований и украшение елизаветинской эпохи. Третий Шувалов – Александр Иванович, хотя и очень быстро сделал свою карьеру, но не проявил ни особенного ума, ни особых способностей. Он был начальником Тайной канцелярии, которая при Елизавете почти бездействовала, почему был незаметен и ее начальник.

Внешней политикой при Елизавете управляли три государственных канцлера: князь Алексей Михайлович Черкасский, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин и граф Михаил Илларионович Воронцов. Первый был совершенно неспособный и недалекий человек, сделавший свою карьеру той ролью, какую случайно сыграл при восстановлении самодержавия Анны. О его личности и неспособности ходили анекдоты: он был очень нерешителен, самую простую бумагу, требовавшую подписи, прочитывал по нескольку раз, брал перо, чтобы ее подписать, и оставлял его, и в конце концов бумага не получала подписи, ибо кн. Черкасский ее боялся. Значение его было ничтожно и в делах, и при дворе. Он умер в начале царствования Елизаветы (1742 г.), так что о нем мало приходится упоминать в обзоре ее царствования.

Внешнюю политику Елизаветы определил своим направлением преемник Черкасского – А. П. Бестужев-Рюмин, стоявший во главе русской дипломатии с 1742 по 1757 г. Это был человек времени Петра Великого, бесспорно умный и способный, по тому времени удивительно образованный и, что называется, на все руки. По натуре он был великий практик, что же касается моральной его физиономии, то она не совсем ясна, и о ней есть несколько мнений. Некоторые полагают, что он был очень честен. Несмотря на то, что он по службе принимал подарки, подкупить его было невозможно. Когда Фридрих II задумал дать ему подарок (узнав, что Бестужев берет таковые от Австрии), то убедился, что прусскими деньгами нельзя ни задобрить, ни купить Бестужева. Он был несомненно истинным патриотом и ни за что не поддавался бы в сторону Пруссии, которую считал опасным соседом. Еще в 1708 г. он был отправлен Петром учиться за границу и приобрел там солидное разностороннее образование: был химиком, медиком и дипломатом. С 1712 г. он был на дипломатической службе при разных дворах, жил в Германии, Англии, Дании, Голландии и хорошо ознакомился с положением политических дел в Европе. Он сознательно относился к политической системе Петра Великого и в то же время усвоил основной принцип всех держав той эпохи – стремление к политическому равновесию. Его дипломатической программой и стала, с одной стороны, охрана системы Петра Великого, с другой – заботы о поддержании равновесия. Служебная карьера ему долго не удавалась. После Петра он был в немилости, и только приверженность к Бирону выдвинула его, как мы видели, в 1740 г. на должность кабинет-министра. Он снова, однако, пал при свержении Бирона и выдвинулся вполне только при Елизавете.

На Бестужева как на политического деятеля смотрят различно. Одни в нем видят деятеля без программы, другие, напротив, находят в Бестужеве удачного ученика Петра и здравого политика. Соловьев («История России», т. XX – XXIV) и Феоктистов («Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны») основательно признают за Бестужевым крупные дипломатические достоинства. Выдающимся дипломатом считает его и Е. Н. Щепкин («Русско-австрийский союз»). Принято думать, что Бестужев держался традиции Петра Великого. «Союзников не

покидать, – говорил он о своей системе, – а оные (союзники) суть: морские державы Англия и Голландия, которых Петр I всегда наблюдать старался; король польский яко курфюрст саксонский, королева венгерская по положению их земель, которая натуральный с Российскою империею союз имеют; сия система – система Петра Великаго». Союз с Австрией («с королевой венгерской»), который был с Петра как бы традицией всей русской дипломатии, поддерживался усердно и Бестужевым и привел к вражде с Францией (пока она враждебна Австрии) и с Пруссией. Французское влияние сперва было сильно при дворе Елизаветы; Бестужев постарался его уничтожить и после упорной интриги добился высылки из России знакомого нам Шетарди и ссылки Лестока, его агента (1748). Прусскому королю Фридриху II он был ярким врагом и приготавливал Семилетнюю войну, потому что считал его не только злым противником Австрии, но и опасным нарушителем европейского равновесия. Фридрих звал Бестужева «*set enrage chancelier*», позднейшие исследователи называют его одним из наиболее мудрых и энергичных представителей национальной политики в России и ставят ему в большую заслугу именно то, что его трудами сокращены были силы «скоропостижного прусского короля». Заслуги Бестужева неоспоримы, преданность его традициям Петра также; но при оценке Бестужева историк может заметить, что традиции Петра хранил он не во всем их объеме. Петр решал исконные задачи национальной политики, побеждал вековых врагов и брал у них то, в чем веками нуждалась Русь. Для достижения вековых задач он старался добыть себе верных друзей и союзников в Европе; но дела Европы сами по себе мало трогали его; про европейские державы он говаривал: «Оне имеют нужду во мне, а не я в них» – в том смысле, что счеты западных держав между собой не затрагивали русских интересов и Россия могла не вступаться в них, тогда как в Европе желали пользоваться силами России – каждая страна в своих интересах. Мы видели, что Петр не успел решить ни турецкого, ни польского вопроса и завещал их преемникам: он не успел определить своих отношений и к некоторым европейским державам, например к Англии. Традиция, завещанная Петром, заключалась, таким образом, в завершении вековой борьбы с национальными врагами и в создании прочных союзов в Западной Европе, которые способствовали бы этому завершению. Политика Бестужева не вела Россию по стопам Петра в первом отношении. Турецкий и польский вопросы решены были позже Екатериной II. Бестужев заботился только об установлении должных отношений России к Западу и здесь действительно подражал программе Петра, хотя, быть может, слишком увлекался задачей общеевропейского политического равновесия, больше, чем того требовал здравый эгоизм России.

После Бестужева, попавшего в опалу в 1757 г., его место занял граф Михаил Илларионович Воронцов, бывший ранее камер-юнкером Елизаветы. Еще в 1744 г. он был сделан вице-канцлером, но при Бестужеве имел мало значения. Трудолюбивый и честный человек, он, однако, не обладал ни образованием, ни характером, ни опытностью Бестужева. Получив в свои руки политику России во время войны с Пруссией, он не внес в нее ничего своего, был доступен влияниям со стороны и не мог так стойко, как Бестужев, держаться своих взглядов. При Елизавете он вел войну с Пруссией, при Петре III готов был к союзу с ней и при Екатерине II снова был близок к разрыву.

Если мы еще помянем князя Никиту Юрьевича Трубецкого, бывшего генерал-прокурором, человека двуличного и не без способностей, и уже известного нам Лестока, служившего проводником французского влияния при дворе Елизаветы в первые годы царствования, то перечень государственных деятелей и влиятельных лиц елизаветинского времени будет закончен. Всматриваясь в социальный состав и личные особенности правящего круга при Елизавете, мы можем сделать не лишние значения выводы.

Кроме князя Черкасского, мало жившего в царствование Елизаветы, и князя Трубецкого, пользовавшегося только административным значением, все придворные влиятельные лица происходили из простого дворянского круга. В придворную и государственную среду они принесли с собой *ria desideria* дворянства и высказывали их открыто. До нас дошло, например, известие о том, что Воронцов (Роман, брат Михаила Илларионовича) твердил наследнику престола Петру Федоровичу о необходимости уничтожить обязательность дворянской службы. Естественно думать, что раз у власти стали люди из простого дворянства, они постараются не только высказывать желания своего круга, но и провести их в жизнь, тем более что сама императрица взошла на трон при восторженном сочувствии войска, состоявшего из таких же дворян, и была склонна вознаграждать их преданность. При разборе внутренней деятельности правительства Елизаветы мы увидим, что действительно в законодательстве проявился ряд мер, проведенных прямо в интересах дворянского класса.

С другой стороны, круг лиц, действовавших при Елизавете, чрезвычайно разнообразен по личным качествам, способностям, даже по возрасту деятелей. Рядом с петровским дельцом Бестужевым видим человека, воспитавшегося в эпоху временщиков (Трубецкого), и юношу, только при Елизавете вступившего в жизнь (Кирилл Разумовский). Понятно, как различны должны были быть у них привычки, взгляды и приемы. Различие еще усиливалось личными особенностями: Бестужев был образованный практик, Иван Иванович Шувалов – образованный теоретик, Петр Иванович Шувалов – малообразованный и себялюбивый корыстный делец, Алексей Разумовский – необразованный и бескорыстный человек. Нет ни одной внутренней черты, которая бы позволила характеризовать их всех одинаково с какой бы то ни было стороны. При этом и жили они очень несогласно, постоянно ссорясь друг с другом. При Елизавете было много интриг. Петр Великий умел объединять своих сотрудников, лично руководя ими. Елизавета же не могла это сделать; она менее всего годилась в руководительницы и объединительницы. Лаской и гневом она умела тушить ссоры и устранять столкновения, но объединить не могла никого, несмотря на то, что не была лишена ума и хорошо понимала людей. Она могла иногда подгонять лиц, ее окружавших, но управлять ими не могла. Не было объединителя и среди ее помощников. Понятно, что такая среда не могла внести в управление государством руководящей программы и единства действий; не могла подняться выше, быть может, прекрасных, но, по существу, частных государственных мер. Так и было. Историк может отметить при Елизавете только национальность общего направления и гуманность правительственных мер (черты, внесенные самой Елизаветой), а затем ему приходится изучать любопытные, но отдельные факты.